

5112 P. 002 P. 40) 6 EP

K 42

Станислав Кабелев

Сучан,
царь Шамбалы

2002

2.00,52

89(2)УДЗ(УДЗ)Б 14
К 12

Станислав КАБЕЛЕВ

Сучан,
царь Шамбалы

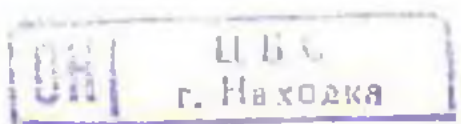
повести

Вн-199901-

8/40

Литературный клуб "Элегия"
Находка, 2002 год

ББК 84.5

С.В. Кабелев

Сучан – царь Шамбалы. повести

изд-во "Полиграфкомбинат", г. Владивосток, 2002 г., 324 стр.

Редактор: Д.В. Усатая

Верстка: Д.С. Кабелев

Иллюстрации автора

Мы – вулканов сыны

Повесть о путешествии по Камчатке и необычайных приключениях. Имена и события подлинные.

Сучан – царь Шамбалы

Повесть о древнем государстве Шамбала на территории Находки.

В книге рассказывается о приключениях в уссурийской тайге, на Камчатке, о Шамбале – удивительной стране, поискам которой посвятили жизнь не одно поколение ученых, путешественников. Автор высказывает версию о нахождении Шамбалы в окрестностях Находки.

Станислав Владимирович Кабелев автор книг: "Тайна хребта Чандалаз", издана в 1998 г., "Расцвет Солнечной долины", издана в 2000г., рассказов.

Цель его творчества – раскрыть красоту и необычайность Уссурийского края.

ISBN 5-900274-55-1

© Кабелев С.В., 2002

© Изд-во "Полиграфкомбинат", г. Владивосток, 2002

Благодарю Дину Владимировну Усатую, основателя литературного клуба "Элегия", за помощь в редактировании и подготовки книги к изданию.

Книга не увидела бы свет если бы не было таких людей, как Кучеренко Николай Владимирович – главный врач санатория "Жемчужный" ОАО НТМП г.Находка. Николай Владимирович поддерживает и постоянно помогает в издании всех моих книг. Большое спасибо Вам!

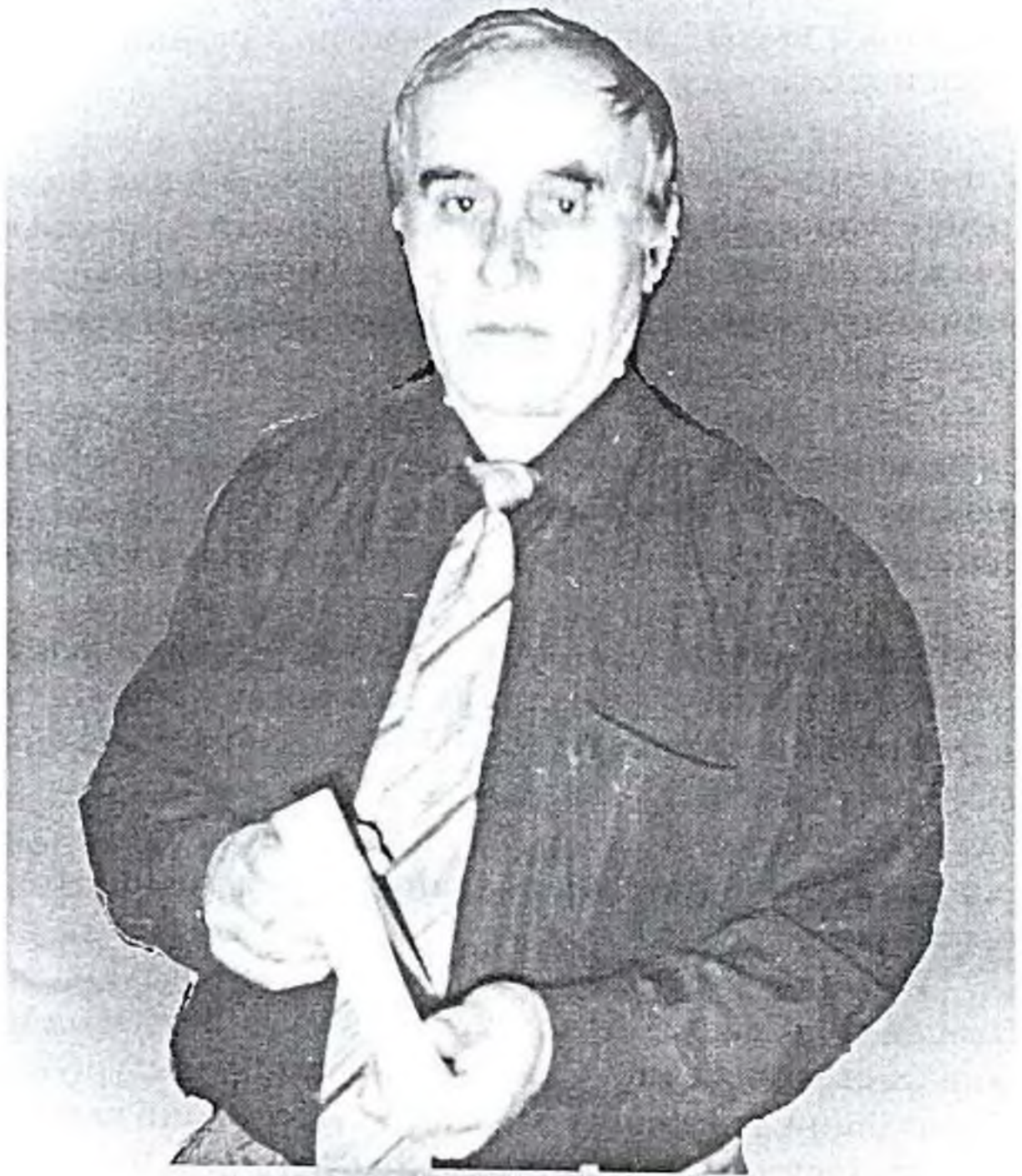
Благодарен генеральному директору предприятия "Мадикс" Бастрюкову Сергею Николаевичу за помощь в издании книги. Пусть Ваше предприятие "Мадикс" процветает и здравствует!

"Не хлебом единым сыт человек" – это выражение в полной мере относится к Виноградову Александру Михайловичу, руководителю предприятия "Амид", выпекающего прекрасный хлеб. Спасибо Вам за помощь в издании книги.

Благодарю моего друга Лифера Сергея Петровича – директора ООО "Риторсип универсал" за постоянную поддержку моего творчества!

Особая благодарность человеку, из скромности он просил не называть его имени, который помог издать предыдущую книгу, помог в издании этой книги и оказал существенную помощь в ремонте помещения литературного клуба "Элегия". Я всегда помню Вашу поддержку! Здоровья Вам и Вашим близким!

Станислав Кабелев

Emanuel Kadetz

Предисловие

Южное Приморье. Горная страна Сихотэ-Алинь. Хребты: Дадань-Шань, Тачин-Гуан, Пидан, Чаңдалаз; реки: Судзухэ, Сучан, Шайга, Шиненгоу, Сица; горы: Цхамо-Дынза, Лаонелаза, Пидан, Чаңдалаз, Эр-Най-Шань, Дар-Най-Шань, -- вслушайтесь в поэзию этих древних и старинных названий уссурийского края! За каждым из них история нашей малой Родины, история России...

Словно безмолвный страж возвышается над Находкой пирамида горы Сестра. Она – символ города. С её вершины открывается незабываемая панорама города у моря.

Неповторимое и полное загадок Южное Приморье! И эта книга не случайно носит в своем названии слово "Шамбала".

Мир ищет Шамбалу, легенды и сказания, рассказы и были... Чего только нет о Шамбале! Её искали древние, в средние века в поисках её исчезали экспедиции, ищут её и сейчас. Одни помещают её в недоступные Гималаи, другие в пустыни Тибета, третьи – на Памире, Алтае. Имеются воспоминания людей, встречавшихся с счастливыми, посвященными, те, якобы, были в Шамбале, и они рассказывали удивительные, страшные вещи, происходившие с ними.

Наш Дальний Восток никогда не рассматривался как местонахождение Шамбалы. И для тех, кто увлечён Шамбалой, эта версия-гипотеза уже "крамола". Но...

Кто хоть чушь-чушь занимался вопросами Шамбалы, удивится множеству прямых и косвенных фактов и улик связанных с этой мифической страной в Южном Приморье и особенно в районе города Находки. Здесь фактов связанных с Шамбалой не один, не два и не три... их множество, и не замечать их уже становится элементарным невежеством.

Древние пирамиды, (только в долине реки Партизанской известны четыре), имена и названия связанные с Шамбалой, следы древнейшей цивилизации: всё заставляет задаться вопросом – что это означает?

Автор не утверждает и не претендует на роль исследователя и первооткрывателя, но пройти мимо удивительного факта уже не мог. Если у читателя появилось желание подробно изучить вопросы связанные с Шамбалой на Дальнем Востоке — буду считать свою цель достигнутой.

"Сучан — царь Шамбалы" книга, в которой описываются подлинные события. Рассказываются о путешествиях, о реальных участниках похода на Камчатку и происходившие события во время извержения вулкана Горелого.

Путешествия по Дальнему Востоку, по уссурийской тайге всегда полны необычных приключений. И даже при очень богатом воображении, невозможно передать всю полноту ощущений, которые испытывает человек, когда находится один на один с природой, попадает в экстремальные условия.

Оторвитесь от бесцельного созерцания "голубого ящика", от бесконечной суеты и мелочности, постарайтесь порвать с болотным миром обывателя и мещанина.

Не нужно долго собираться и готовиться в поход, встаньте пораньше, взгляните за горизонт и идите к той вершине, которая вам по душе и, поверьте, к вечеру вы будете переполнены впечатлениями, восторгом и... желанием снова и снова идти и открывать для себя мир! Жизнь дана человеку одна, она так коротка, а в мире столько непознанного и неизвестного!

"А жизнь прекрасна еще и тем, что можно путешествовать" — эти слова великого русского путешественника Николая Михайловича Пржевальского подтверждают простую истину красоты жизни в общении с природой.

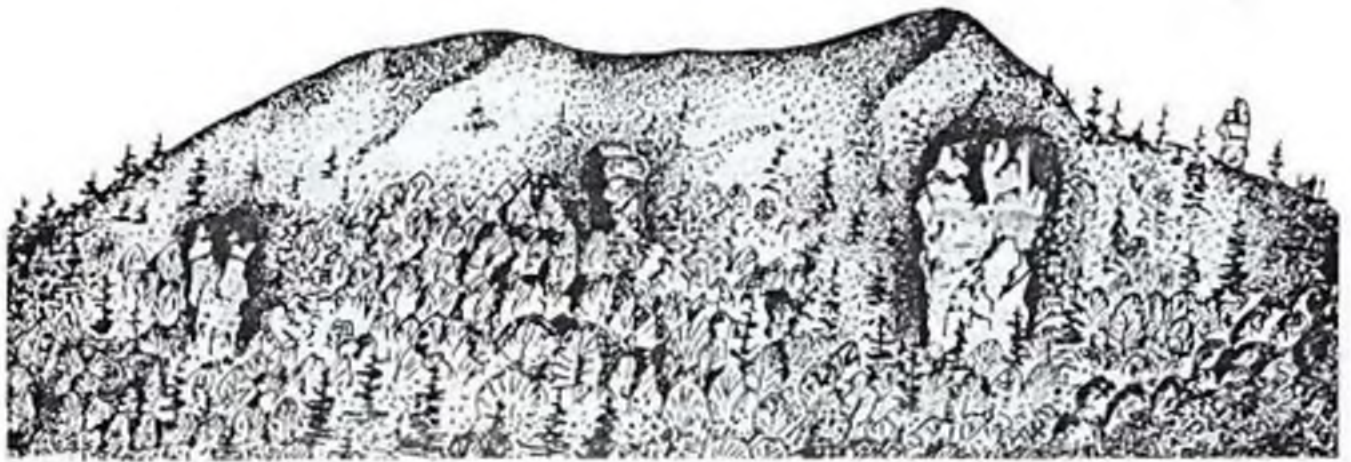
До встречи на таёжных тропинках!

С уважением

Станислав Кабелев

*Мы—
вулканонов сыны*

ПОВЕСТЬ

Глава 1

Цхамо-Дынза

Кедры.— Ключ Буреломный.— Сушина.— Родион Филимопович.— Американка.— Уголь.— Пржевальский, Арсеньев в Александровском.— Японцы и древности.— Отголоски трагедии Порт-Артура.— Удивительный рассказ.— Охота на кабанов.— Бирюк в верховьях Вангоу.— Бульон.— Доверие Радомысла.— Настас... Кто это?— Смерть старого охотника.— Гибель Прокопия.— Молчание Родиона.— "Живая" осынь.— Встреча с солнцем на вершине.— Подарок светила.— Загадка "Молодежных столбов".

—Эге... ге... ге...

Гулкое эхо разносит наши крики по лесу. Высокие стройные кедры привлекают своей красотой и величавостью... Завораживающие, загадочные деревья, как бы застыли в немом вопросе: чего шумите, почему нарушаете покой тайги? На невообразимой высоте хвойный купол скрывает от нас бездонное небо. Внизу под кронами лесных гигантов царит живительная прохлада, переполненный лесными запахами воздух пьянит, будоражит нас. Хочется обнять весь мир, закричать во весь голос:

— Люди! Тайга!

А лес откликается эхом, оно перекатывается по распадкам, уносится вверх в горы.

— Айга... йга... га... Га... га... а...

— Я люблю тебя, лес! Люди, тайга! Вы меня слышите?

А тайга только этого и ждала!

– Слышу... слышу... ышу... у!..

Как захотелось отбросить все условности цивилизованного мира и просто, вот так, крикнуть во весь свой, природой данный, голос. Прислушаться к нему. Что мы говорим? О чем? Для кого? Как прекрасно слышать свое эхо! Человек преобразается! Попробуй услышать себя! Это дано далеко не каждому...

– Привал!

С помощью ребят снимаю с плеч, изрядно опостылевший, словно наполненный камнями, рюкзак и аккуратно ставлю его возле дерева, безвольно валяюсь на мягкую пахучую хвою.

Безумно захотелось прилечь и любоваться кронами деревьев над собой. Я лежал и чувствовал эти колдовские чары леса! Как спокойно и радостно человеческой душе в тайге!

В лесу тихо. Где-то в вышине монотонно гудит невидимый самолет. Гул вскоре исчезает и наступает завораживающая тишина леса.

Володя и Ростик отдыхают рядом и каждый думает о своем. Вокруг стоят красавцы – кедр, все как на подбор, высокие стройные. Прикрываю глаза, прислушиваюсь. Надо мной ласково перешептываются лесные великаны. Первые сучья начинаются где-то на пятнадцатиметровой высоте.

– Красивое место...

– Хорошо что лесорубы не добрались...

– А кедр запретили рубить!

– Запретить, то запретили, однако, видел сколько его срубленного находится в Сергеевке, в Сабанах? Возле каждого дома...

– Это после санитарной рубки.

Ростик от возмущения вскочил и начал размахивать руками:

– Я бы этим “санитарам” руки пообрубал! Санитары! Преступники! И они это знают!

– Ростик, сядь и успокойся! Отдыхай! – охлаждаю Ростика.

Долго ворчит мой друг на “благодетелей” из лесного хозяйства Приморского края.

– Подъем! – поднимаю ребят и мы продолжаем идти по кедрачу.

Нас трое. Обычно ходим группой по шесть-восемь человек, но так получилось, что на этот раз в поход вышли втроем.

— Мы правильно идем? — обращается Ростик ко мне.

Вытаскиваю из полиэтиленового пакета карту, с Ростиком спорить не собираюсь, мне и самому интересно, где можем сейчас находиться, хотя на предыдущем привале мы ее смотрели.

Ростик и Владимир, согнувшись под тяжелыми рюкзаками, стоят рядом со мной и мы определяем свое местонахождение.

Карта пятикилометровка и ориентироваться по ней в тайге, когда не видно ни окружающих тебя сопок, ни распадков, крайне сложно. Сколько лишних километров нами исхожено из-за их отсутствия, сколько несчастий можно избежать, если бы у туристов имелись точные схемы с тропинками, зимовьями, водопадами, лавиноопасными склонами... Но это несбыточные мечты.

— Это что за речка?

— На кроках названия нет, но в Слинкино местные охотники подсказали, что это распадок Буреломный.

— Странно...

— Чего?

— Буреломный...А где?..

— Завалы? Не спеши, скоро увидишь.

— Этот ключ выходит к высоте 1285 метров. Точка на карте и является этой высотой.

То, что обозначено точкой на кальке, являлось огромной вершиной, с "живыми" осынями, с густыми зарослями стланика, низкорослой пихты, аралии, карликовой березы. Кустарники кололись, цеплялись, хватали за ноги, рвали трико.

Немного о карте. Калька. На ней прорисована гидросеть без названий и редкие точки с цифрой рядом, обозначающие вершины с высотами. Несколько лет назад, под строжайшим секретом, один из геологов разрешил нам снять участок карты — верховья реки Сучан. Но он запретил нам нанести тропинки, дороги, отдельно стоящие скалы, водопады... Все это было строгой секретностью... И сейчас пытаемся разобраться, где мы находимся.

— А что за отметка 1604 метра?

– Это и есть Цхамо-Дынза.

– Она как бы в стороне от основного хребта.

– Так оно и есть. На основном хребте Дадань-шань, остальные вершины много ниже Цхамо-Дынзы.

Из-за густого кедрача нет обзора, трудно понять где находимся. Через метров восемьсот, продираясь через густые заросли элеутерококка, входим в ещё больший хаос: в зону бурелома.

Что такое бурелом в уссурийской тайге? Прежде всего удивляешься силе, которая повалила, перекрутила, сломала и нагромодила друг на друга столетние кедры, вперемежку с колючими пихтами, поверх их тяжело громоздится толстый, в три обхвата, тополь Максимовича и все это заросло аралией, элеутерококом, диким плетущимся шиповником, поросло петлями краснотала. Лесной хаос возвышается на высоту двух-трех этажного дома. Это бурелом... Пройти через него крайне сложно, а зачастую и опасно. Иногда буреломы тянутся на сотни метров. Прохождение препятствия затягивается на изнуряющие часы...

– Парни! Помогите мне отцепиться!

Ростик "кувыркается" со своим неподъемным рюкзаком на пятиметровой высоте, карабкаясь через завал. Лямка его рюкзака зацепилась за сухую ветку пихты и не дает ему двигаться. Помогаю другу освободить злополучную лямку. Прохождение бурелома занимает у нас почти полчаса.

– Привал! – командует Владимир. Он хронометрист и строго выполняет режим движения.

– Да мы же перед завалом отдыхали!

– Верно, но прошло пятьдесят минут...

Вспотевшие, присаживаемся на поваленный ветром кедр. Тяжело дыша смотрим вверх по распадку.

– Еще немного пройдем и пересечем километровую зону.

Володя постукивает пальцем по стеклу альтиметра. Стрелка замерла на отметке девятьсот метров.

– После километровой отметки лес будет помельче, сказывается высота... – как бы для себя рассуждает Ростик.

Дипломатично молчу. Все это нам прекрасно известно.

Просто безумноустали и измотались в борьбе с буреломами и завалами уссурийской тайги!

Пятые сутки мы в верховьях реки Сучан, на хребте Дадань-Шань. Три человека сидят на поваленном дереве в дебрях уссурийской тайги. Что заставило нас бродить в этом далеком верховье Сучана?

Трудно ответить, но верховья Сучана, хребет Дадань-Шань привлекают нас своей отдаленностью, необычностью природы и самое важное: на седловинах между вершинами, на пологих склонах сопок, на склоне Цхамо-Дынзы, над глухой тайгой возвышаются многочисленные скалы-останцы, высотой от десяти и более метров. Они, словно стражи, охраняют покой тайги, защищают животных, взирают с высоты на, покоящуюся у их подножий, тайгу. Некоторые небольшие деревья словно из любопытства вскарабкались на плечи каменных исполинов и вместе с ними любят тайгой.

— Как они умудряются жить на скале?

— Небольшая трещинка, в ней скопилась почва, кедровка случайно занесла орешек кедра, и сейчас мы наблюдаем растущее деревце. Орешек пророс и кедрик сидит там, словно приклеенный.

— Но он же обречен!

— Молодой кедр? Да! Но его жизни могут позавидовать огромные деревья растущие внизу! Он видит то, что низкорослым деревьям никогда не увидать...

Мы стояли и любовались панорамой Молодежных столбов. По одиночке, в вечных раздумьях о смысле жизни, скалы царствовали среди безбрежных просторов тайги. Каменные столбы стоят, потемневшие от времени, покрытые пятнами лишайников. На близлежащих деревьях свисают пряди белого мха. Ветерок шевелит их, они словно космы волос непричесанной Бабы-Яги.

— А откуда взялось название — Молодежные столбы?

— Я это имя услышал в 1959 году.

— Возможно название придумала молодежь — туристы, впервые увидев их, в одном из походов?

Мы стоим у подножия скалы. Она сложена из трех огромных гранитных блоков, поставленных друг на друга. Самый верхний

больше остальных, его края нависают, как поля шляпы. Высотой останец выше пятнадцати метров.

— Ну что, поднимемся?

Володя достает веревку, скальный молоток, крючья.

Впервые над тайгой раздалось "пение" забиваемого скального крюка. Прежде чем оказаться на вершине останца, нам пришлось изрядно потрудиться.

Возбуждающе действует высота на человека, когда стоишь будто на макушке телеграфного столба — не за что взяться, уцепиться, под тобой, оглушающая своей опасностью, пустота.

С высоты рассматриваем склоны Цхамо-Дынзы. Открытая всем ветрам, в каменных осыпях, вершина. Внизу под осыпями пояс кедрового стланика.

Издали склоны смотрелись привлекательно, но мы-то знаем коварство осыпей, непроходимость стланика, утомительность ползания по "живым осыпям". Внизу под нами не видно и не слышно птиц. На больших высотах птицы встречаются крайне редко.

— Красивая вершина...

— Строгая. Суровая...

— Смотрю на неё и у меня какое-то щемящее чувство.

— Это от любви к нашей тайге, горам, рекам. Так случается зачастую и со мной.

— Завтра восхождение?

— Да.

Вечер на высоте наступает медленно. Вначале внизу, под нами, чернильной краской заполняются распадки, с дна ущелья волнами доносится шум водопадов и перекатов реки, сумрачные тени расползаются по тайге, между дереньями, затихает лес — перестают ползать насекомые, засыпают в оцепенении растения. Наохлились слочки-подростки. Дым от костра устремляется вертикально вверх. Багровый краешек солнца под минорные аккорды тайги величаво и с достоинством скрывается за горизонтом, прощальным приветом полыхает заря, но через несколько минут и она тускнеет. А с востока наползает, разливается обрадованная сумеречная темнота. Наводит порядок — укутывает в вечерние тени всё, что видит, к чему только

прикоснется. Вечер. Молодежные столбы. Небольшой костер. Мы сидим у костра и пьем чай.

— Так и хочется воскликнуть — как прекрасны вечера в тайге!

— А я люблю смотреть на огонь и думать, думать, думать...

— Это свойственно каждому человеку. Огонь очищает, завораживает. Отчего?

— Мы, homo-sapiens, созданы природой, плоть от плоти связаны с ней. Человек-- высшая форма, созданная природой.

Владимира потянуло на философию. Ростик и я, прикрыв глаза, молчим, отдыхаем.

— Когда находимся среди не потревоженной, не порушенной, не искалеченной человеком природы, получаем от неё новый заряд энергии, совершенствуемся, поднимаемся на другой уровень развития...

— Почему? — Ростик приоткрыл один глаз.

— А ты вспомни жизнь великих путешественников, естествоиспытателей, зоологов, биологов, лесников, пчеловодов...

— О чем ты говоришь? — Ростик заинтересованно выпрямился и взглянул на рассуждающего Владимира.

— Среди этих людей нет подлецов, стяжателей, карьеристов, преступников, просто плохих людей. Ты не задумывался? Почему?

— Задумывался. Думаю, что постоянное общение с природой формирует характер человека, мировоззрение, очищает его от отрицательной энергии.

— Все верно! Человек становится гармонично развитым, с чувством ответственности за свои действия, поступки.

Мы хорошо знаем друг друга. Владимир, Ростик — мои друзья. С ними пройдены сложные маршруты по Камчатке, Приморью, Якутии, Алтаю, Тянь-Шаню.

Неоднократно оказывались в сложных переделках, но всегда с достоинством выходили из них. Понимали друг друга с полуслова. Мы путешествовали и все, что открывали для себя, не таили в себе, а отдавали людям, молодежи. Так должен поступать любой человек: что дано тебе — передай людям. Чем больше отдаёшь — тем больше получаешь.

Далеко на западе исчезают последние признаки дневного

светила. Луна взойдет рано утром, а сейчас мы любуемся ночными красками небосвода. Рассматриваем выпуклые огромные созвездия, спорим об их названиях, о жизни в мире мерцающих звезд.

— Люди не равнодушны к звездам! Почему тянет к ним? Когда я их созерцаю в моем сознании все переворачивается!

— Это свойственно всем людям. Возможно связано с тайной возникновения человека, а может быть жизнь зарождалась в огне звезд? И мы дети вулканов?

Долго длится наш разговор у костра. Прогоревшие дрова стали горячими углями, но и они покрылись пеплом и потемнели, а мы все говорили и говорили... Последний уголек погас, в палатке, забравшись в спальники :

— Знаете, вот лежу и думаю о том, что когда-то давно, давно... Мой предок жил и размышлял о будущих поколениях, обо мне — его потомке...

— А я вспоминаю зимнюю встречу...

— Ты говоришь о зимовье возле Старо-Варваровки и его хозяине?

— Да... Все настолько интересно и занятно... Мы и сейчас бродим заинтригованные его рассказом.

— Я хорошо помню эту встречу. Но почему ты думаешь, что все это достойно внимания? Почему считаешь, что рассказанному надо верить?

— Какой резон спорить? В Находке неоднократно обсуждали, пришли к единодушному мнению, и сейчас, в результате принятого решения, мы лежим в спальниках на склонах Цхамодынзы. Завтра поднимемся на вершину...

— Увидим тригоном, снимем записку предыдущих восходителей... а дальше?

— Не знаю... Даже, если ничего не обнаружим странного и необычного... Кстати, отрицательный результат — тоже результат.

Ребята уснули, а я не мог заснуть, вспоминал событие за событием, зимнюю встречу с охотником и его странно-мистический рассказ.

Середина шестидесятых. Зимний поход на Арсеньев. Маршрут: г. Находка — пос. Молчановка — пос. Партизан. — дер. Еловка — дер. Старо-Варваровка — пос. Алучино — г. Арсеньев. Нас двенадцать человек. Мы переполненные энергией и радостью предстоящего зимнего похода. Сейчас мы на маршруте.

Темнеет быстро. Группа растянулась на километр. Думали, что придется идти по хорошему зимнику, а попали на старую дорогу с метровым пушистым снегом. Уработались в троплении лыжни по глубокому снегу все! По времени, до наступления темноты, дойти до деревни мы не успеваем. Принимаем решение ночевать в палатке. На улице минус двадцать семь. Легкий бодрящий ветерок. Вокруг стылый, с шапками снега на ветвях, хвойный лес.

— Привал! Ставим палатку! Дежурным разжигать костер и готовить ужин!

— Пойду выбирать сушину для печурки в палатке!

Ростик любил и умел выбирать сушину. Требования к дровам строгие: не должны трещать и давать искры, жарко гореть, хорошо колоться топором, не коптить. Взяв пилу и топор, Ростик, задев ель с шапками снега на упругих ветвях, углубился в сумеречный лес. А на бивуаке привычная работа. Все знают кому что делать: ставят палатку, готовят походную печурку, греют ведрами, свободные от дежурства собирают дрова для двух костров — для приготовления пищи и просушки — вымокли основательно. Смерзшиеся бахилы необходимо высушить, иначе завтра ноги будут мерзнуть.

— Мужики! Сюда! — издали доносится голос Ростика.

— Ростик ушел далеко от костра и нашел сушину. Таскай сейчас дрова по глубокому снегу! — незлобиво ворчит Инна (она снова, как и прежде, с нами в походе).

— А нашим мужикам чем труднее, тем лучше! — поддакивает розовоцекая Виктория.

— Кончайте балагурить! Идемте к заготовителю дров! — Юра и Валера, прихватив Василия, пошли на голос.

Стемнело. Если полчаса назад все было хорошо и отчетливо видно, то сейчас с трудом видишь спину впереди идущего

товарища. Вскоре из-за кромки леса, улыбаясь, выглянула полнолицая, яркая от смущения, луна. От сильного мороза под нашими ногами скрипит и звенит снег в твердых сугробах.

— Мужики! — слышен голос из лесу, он не приближается, хотя прошли уже порядочно. Наш костер скрылся за деревьями, стало еще холоднее и морознее.

— Эге... ге...

— Ростик!.. — потеряв терпение, зовем своего товарища и вдруг впереди видим тусклый огонек.

— Не дождался нас и решил запалить костер возле сушины! — заворчали мы.

— На костер непохоже...

— Да это же зимушка! — подпрыгнул от радости Буня.

Вскоре подходим к утопавшему в огромных сугробах зимовью. Двускатная крыша покрыта толстой шапкой снега, тускло светится небольшое подслеповатое оконце. Перевалив через сугроб, подходим к двери. Возле двери деревянная лопата, веник. Обметаем от снега смерзшиеся бахилы, себя. Стучим в дверь.

— А вот и наши ребята!

Громоздкие, замерзшие, с сосульками на отросших бородах и бровях мы сразу же заполнили небольшое помещение. С холода, после мороза, в зимовье непривычно жарко. Осматриваемся и видим. Сухонький старичок в возрасте, когда уже трудно определить сколько лет человеку, можно ошибиться и на двадцать и на тридцать лет, рубаха навыпуск, вместо пояса бечевка, большая белая борода. Смущаясь, здороваемся.

— Проходите! Добрые гости! Угощайтесь чаем! — он ставит перед нами большой медный чайник. Таких раньше не встречал.

— Спасибо дедушка! Но нам необходимо ставить лагерь. Надвигается ночь.

— Зачем лагерь? У прошлом годе у меня ночевало два десятка туристов из Владивостока. А вас сколько?

— Двенадцать...

— Чего же мешкаете! Ведите их сюда!

Советуюсь с ребятами и принимаем решение послушаться гостеприимного хозяина зимовья Родиона Филимоновича. Так звали старика.

Возвращаемся к бивуаку. Горят два костра, ребята ладят палатку, Виктория повесила ведра с водой на кострище:

— А где дрова?

— Что, не нашел сушину?

— А они в темноте ничего не видят! Баюха, бери топор и идем в лес! С ними в одной палатке замерзнуть можно!

— Я вчера колотилась в своем спальнике, как вязанка дров!

— И никто не помог тебе согреться?

— Ты что? Оне и неспособны... — Девчата издевались над нами, как хотели, не давали сказать и слова!

— Да не галдите! — в сердцах останавливаю девчат.

— А ты нам рот не затыкай!

— У нас равноправие!

— Имеешь пуховый спальник, так можно и командовать?

— Если будет холодно, мы втроем залезем к тебе в спальник!

Я рассмеялся представив девчат в моем спальнике, там мне и одному тесновато, а чтобы втроем?..

— Ночуем в зимовье! Нас ждет теплое помещение! — останавливаю гадеж девчат.

— В зимовье меня ждет тоже самое, что и под Облачной? — Инна вспомнила давний случай, когда мы ночевали с замерзшим уголовником, спрятанным под топчаном.

— Успокойся! В зимовье на этот раз живет живой охотник!

— Ура! Чур, я за ним ухаживаю! — Виктория стала быстро складывать свои пожитки в рюкзак.

— Валя, если на предмет ухаживания за ним, то ему столько же лет, сколько нам всем вместе.

— Ничего! Зато он охотник! — надев лыжи, она быстро нашла наши следы и поспешила по ним к зимовью, мы еле-еле успевали за ней.

Вскоре, напившись чая, уgomонившись, мы сидели вокруг большого стола и рассказывали Родиону Филимоновичу: кто мы, откуда, чем интересуемся, куда идем, почему ходим по тайге.

— И не охотитесь?

— Нет... Любим природу, тайгу с её загадками и тайнами...

Все в зимовье деда добротное, сработано умелыми руками, ничего лишнего. Умудренный опытом старик видимо давно пришел к пониманию красоты простого.

— Как вы здесь живете? — Марина и Виктория угостили деда шоколадом.

— Сладкий шоколад!.. Но мед слаще, угощайтесь! — старик пододвинул разломанные плитки засахаренного пахучего меда.

Девушки добавили мед в чай. По зимовью поплыл запах лугов, послышалось жужжанье пчел, запахло летом.

— Как вкусно! — Вика от удовольствия зажмурила глаза. Крепко сбитая, пышущая здоровьем девушка сидела напротив сухонького Родиона Филимоновича и это так контрастировало, что мы заулыбались, вспомнив, как Вика час назад бежала впереди всех, чтобы первой познакомиться с охотником.

— Кушайте, кушайте... — дед пододвинул грибочки в большой глиняной чашке, предложил деревянные самодельные ложки.

Рассматриваю убранство зимовья. Небольшая печь с лежанкой, глиняная обожженная посуда на полках. Стопочка книг. Образок в углу, горящая лампадка. Пол чисто выскоблен, у кровати вязаный половичок. На окнах аккуратные занавески с мелкими цветочками. На стене, в рамке под стеклом, многочисленные фотографии. На них изображены мужчины, женщины, дети. Все они смотрят на нас и как бы спрашивают: "Вы добрые люди?"

Я перевел взгляд на пузатый медный чайник.

— Сколько лет этому чайнику?

— Он достался от моего деда. Они переселенцы с запада, -- дед встал и подошел к фотографиям: — Вот он стоит рядом с старшим сыном, а маленький мальчик у него на руках — это мой отец Филимон...

Мы смотрели то на старика, то на фотографию ребенка... Дед, между тем, продолжал:

— Вначале мы жили в Николаевске-на-Амуре, а затем морем нас переселили в Сучанскую долину. Образовали село Александровку. Это случилось в... — дед задумался, а затем: — Аккурат после отмены крепостного права, в 1864 году. Сразу же в Александровке родился мой отец Филимон. Он мне много чего рассказывал, да я по малолетству ничего не упомянул. Мне не исполнилось и семи лет, как отца задрал тигр... Это произошло на реке Сибициан, в отрогах горы Пидан...

Мы с ребятами переглянулись — Сибициан впадает в реку Таудеми возле Ново-Литовска. Дед между тем продолжал:

— Я родился в Александровке, когда она уже была большой деревней. Более двадцати хат насчитывала деревня, росла и соседняя Владимировка, но в ней хат поменьше. Мы всегда дрались с мальчишками из Владимировки. Гоняли их с рыбных мест на Сучане, не давали им проходу по нашей улице.

Потрескивали дрова в печурке, Инна разливала в который раз липовый запашистый чай. Ребята разместились кто где, подстелив свои спальники. Инна с Мариной захватили печку и устроились на ней.

— Мужики! Хватит подкладывать дрова, иначе упреем.

Люба любила ввертывать словечки из простонародья.

— А вы слезайте с печи, и не упреете... — уговаривает их Буня.

— Ага. Сщчас! Вмиг займешь теплое местечко!

— Не могу себе позволить... Я сама скромность уссурийская!

— Знаем, знаем твою скромность... — ворчит Марина, уютно устраиваясь на прогретой печи: — Лучше сваримся, чем...

Что она сказала, не расслышали, слушали рассказ старика. Нам интересно общаться с Родионом Филимоновичем — он один из первых переселенцев, которого довелось встретить.

— Расскажите о Находке вашего детства!

— О Находке? — старик задумался: — Об Американке можно, а о Находке ничего не помню.

— Американка это часть Находки. С нее и начался город!

— Хорошо... Но не обессудьте, если чего не припомню. Помню, как сейчас, мы с старшим братом Прокопием поехали на подводе в Американку. До деревни дошел слух, что требуются подводы и люди, для перевозки угля. Откуда возить, куда и сколько, в деревне никто не знал. На семейном совете, отца у нас уже не было — умер, решили съездить и все разузнать.

Мы ехали по разбитой деревенской дороге, которая тянулась мимо полей, через заросли ивняка, утопала в болотистых местах и подъехали к переправе против Катькиной деревни. На пароме переправились через тихий и спокойный Сучан. Мне, поначалу, казалось страшно — впервые уезжал от дома так далеко.

От взрослых знали, что на берегу моря находится деревня

Американка, в ней расположена волость, но я не мог представить, что это такое. Стоял ясный погожий день. К обеду добрались до Американки. У волости скопилось подвод двадцать, а может и больше, считал я слабо.

Мужики кого-то ждали, тихо переговаривались между собой. На пустыре перед волостью собрались мужики из разных деревень — Голубовки, Екатериновки, Лагонешты, Ново-Литовска. Где расположены эти деревни я не знал. Собравшись группами, по три-четыре человека, мужики обсуждали: что за работа, сколько будут платить, когда будут расплачиваться, сколько нужно подвод, какой груз...

Никто ничего толком и не знал, все пользовались только слухами. Ожидали долго. Солнце перевалило за полдень, когда на крыльцо вышел какой-то начальник. Помню его лихо закрученные усы, цепочку от часов на жилете и белую-белую рубаху! Я никогда таких белых рубах в нашей деревне не видел. И одет он как-то странно.

— Чудно одет! — шепнул я брату.

— Дурак! Это же его казенная форма. Все начальники имеют справную одёжу.

Я смотрел на сверкающие золотом пуговицы с двуглавым орлом, на рубашку, на массивную золотую цепочку. А сапоги!.. Таких сапог в деревне не видел! Из тонкого хрому, сверкающие... А скрип! Скрип какой! До сих пор помню: он важно ходил по крыльцу и поглядывал на нас. Скрип... скрип... Скрип... скрип... Мужики враз снимали картузы и с надеждой смотрели на него.

— Это все, аль нет? Чего более подвод в деревнях нет?

Мужики переглянулись. Кто-то более смелый выкрикнул:

— А скока нужно?

— Скока нужно! — передразнил начальник в блестящем картузе: — Много! Пятьдесят и боле... Уголь надо возить! Много возить... Клейсер (именно так называл корабль чиновник на крыльце) скоро подойдет, уголь ему надобен... — чиновник задумался, раздумывая как доходчивее выразиться: — Для его котлов нужно погрузить двадцать тысяч пудов угля!

Среди мужиков кто-то охнул:

— Скока?.. Двадцать тысяч пудов! Это много?

Мужики все враз заговорили, загадели, что — то начали загибать на пальцах, скрести затылки, морщить лбы.

— Мужики! Сколько на вашу подводу можно погрузить пудов?

— Если недалеко, то пудов двадцать-двадцать пять...

— Вот и считайте, сколько нужно сделать ходок, чтобы перевезти уголь!

— А откуда возить?

— Как откуда! С Сучапских рудников. Там у нас угольные копи!

— С самого Сучану! Это же тридцать верст в один конец. Одну ходку в день и спроворишь...

— Правильно рассуждаете!

— А скока платить будут? — невысокого роста мужичонка испуганно мял в своих руках картуз, пытаясь спрятаться за спину своего товарища.

— Спрашиваешь, скока?

Все враз притихли. Слышим, как фыркают лошади, отгоняя хвостами оводов. Оплата и расчет за работу интересовали всех.

— Гривенник за ходку. За двадцать пудов! — Мужики охнули, они задвигались, о чем-то переговаривались, считали.

— Добавьте две копейки... — послышалось из задних рядов.

Начальник сурово посмотрел на говорившего, тот готов провалиться сквозь землю. Все молчали, ожидая реакцию благодетеля, поскрипывающего сапогами на крыльце волости.

— Хорошо! Будь по вашему! Нравитесь вы мне, братки! Набавляю две копейки! Ох и разорюсь я с вами!

— А платить когда будут? Сразу, аль нет?

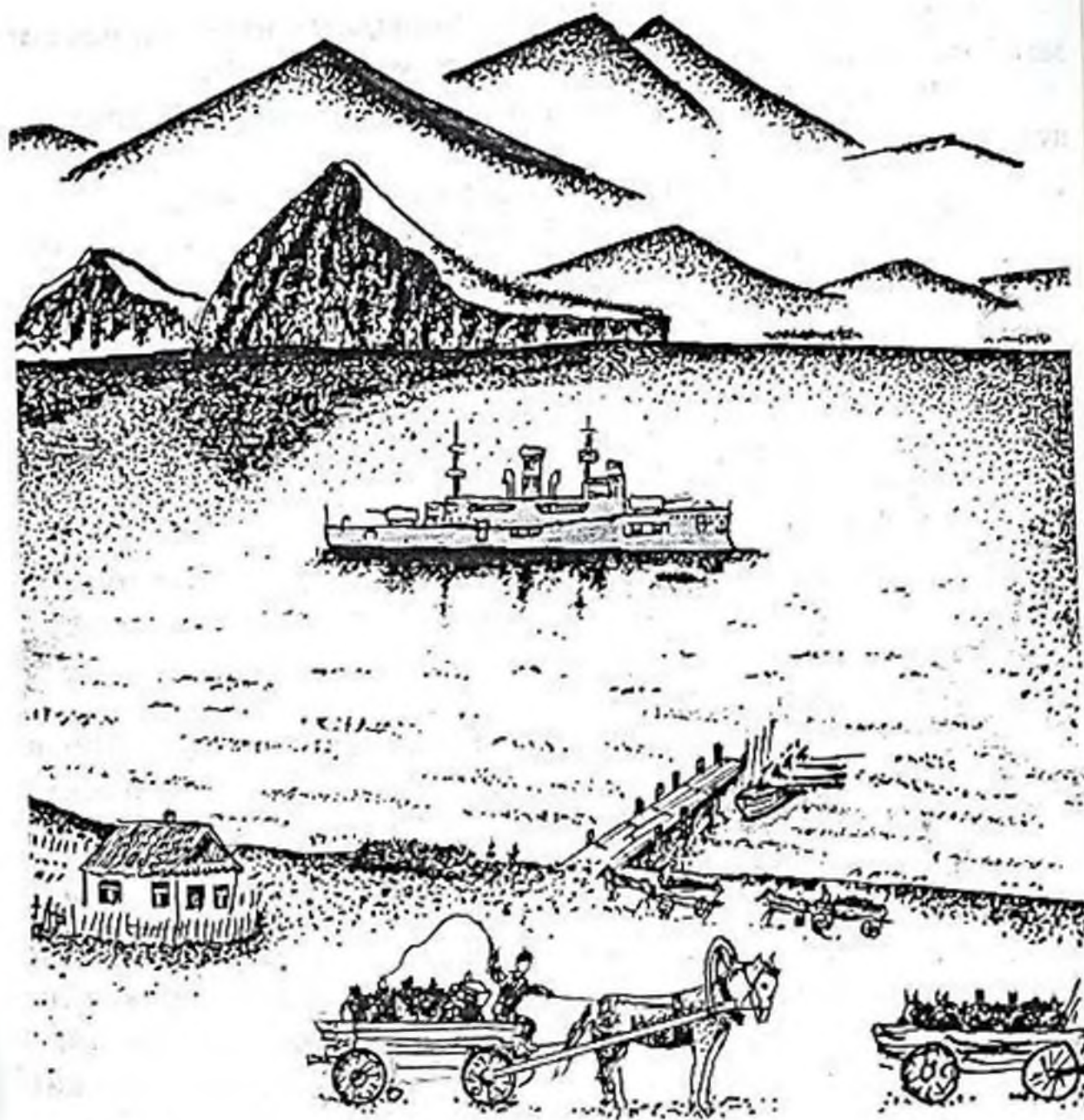
— Мужики, уговор такой. Приезжаешь на пристань, сгружаешь и враз получаешь расчет! Согласные?

— Мы согласные! — закричали обрадованные извозчики.

— Когда возить?

— А хоть завтра...

Помню, как Прошка с братьями готовили телегу к работе: проверяли полуоси, смотрели колеса, укрепляли обода колес, смазывали дегтем все трущиеся части. Мать зашивала мешки, укрепляла швы.

— Родька, возьми деготь, смажь еще раз колеса!

В сарайчике нашел банку с дегтем и дополнительно обильно смазал колеса, поворотную ось. Рано утром, коров еще не выгоняли на пастбище, Прошка и Алексей, мои старшие братья уехали в Сучан, за углем. Братья возили уголь два месяца, каждый день. Несколько раз с братьями ездил и я, но обратно все время шел пехом, лошади тяжело. На заработанные деньги купили корову, две козы. Мне, поторговавшись, приобрели в китайской лавке портки и ремень. Ремень блестящий, пах кожей, с большой

медной пряжкой. Кожаного ремня в деревне у мальчишек ни у кого не было...

Старик замолчал, переживая далеко ушедшее время детства. Он пил чай, его выцветшие глаза смотрели куда-то далеко, в неведомый для нас мир. Стояла полная тишина, боялись нарушить воспоминания старика.

...Помню как бегали к морю, смотрели на огромный корабль. Каким он казался для нас огромным! Из трубы шел черный дым, топорщились многочисленные орудия. Будучи мальчишками, мечтали попасть на его палубу, но... На пристани моряки гнали нас от шлюпок. Баржами возили уголь на крейсер. А какие красивые офицеры, у всех кортики, эполеты, ордена, медали... Дальние страны... Счастливые люди!.. — старик вздохнул и отхлебнул душистого чая: — Однако, крейсер вскоре ушел. Потом долго наблюдали его силуэт на горизонте, дым из его трубы, потом разошлись по домам.

До сих пор в памяти остался дом удельного начальника с башенкой синего цвета. Помню фраки чиновников с золотыми пуговицами... Завидев издалека фрак чиновника, мужики за десять шагов сымали картуз, останавливались и низко кланялись... Боялись и близко подходить к дому начальника. Заругают...

Уставшие от трудного дневного перехода все ребята спали. На теплой печи притихли Инна с Маринкой. Всхлипывала и подергивала ногами в спальнике Виктория. Она, вероятно, все еще шла на лыжах. Что-то во сне бормотал Буня. Валера начал свой привычный храп. Храпеть Валера любил. Зная это, я всегда всех храпящих помещал в одну палатку. Но собравшись все вместе, они переставали храпеть... Загадка, да и только!

У стола сидел Ростик и я. А старик все вспоминал и вспоминал. Мы старались как можно больше запомнить. Молчали и слушали.

... Помню... Как то по осени ходили охотиться на фазанов, особенно их было много на полях у скалы.

— Какой скалы?

— А на ней путешественник любил отдыхать и любоваться долиной. Имя его не припомню. Дед сказывал, что он водил одного офицера — путешественника на ту скалу. Вспомнил! Отчество у него — Михалыч!

– Пржевальский?.. Николай Михайлович?

– Может и Пржевальский. Он к бухте Ольге по берегу пошел по осени. Дед сказывал – к нам на постой становился. Жил у нас. В память о себе оставил моему отцу книгу с надписью. У нас в доме несколько книг по которым мы учились читать. Что там написано не знаю, но брат мой Прошка, очень гордился этой записью и говорил мне, чтобы хранил эту книгу...

– Вы сохранили её?

– Нет... Во время гражданской войны бандиты из банды атамана... кличку сейчас и не припомню, книжку забрали на самокрутки...

– Старики сказывали, что часто интересовались нашим постояльцем приезжие чиновники, служивые люди. Почему всех интересовал этот человек, не знаю и по сей день.

До революции к нам в деревню приезжал Арсеньев. Статный офицер. При нем проводником состоял туземец. Его запомнил хорошо. Он также расспрашивал об офицере и просил, чтобы ему показали скалу, на которой любил бывать... как вы говорите?

– Пржевальский.

– Пржевальский, значит. Арсеньев расспрашивал Прошку о нашем постояльце.

Мы смотрели на Родиона Филимоновича и не могли поверить своим глазам, перед нами сидел живой свидетель Владимира Клавдиевича Арсеньева, внук человека который общался с великим русским путешественником Николаем Михайловичем Пржевальским.

– Расскажите об Арсеньеве. Что вы помните?

– Мужик мне понравился. Обстоятельный, справный. Зауважал и его проводника... Понятливый. Ему ничего не надо объяснять. "Моя понимай", так говорил немногословный туземец.

Запомнилось, как Владимир Клавдиевич Арсеньев расспрашивал нас, не встречали ли мы где-нибудь древние курганы, валы заросшие дороги... Может что интересное находили? Мы конечно, то что его интересовало, не замечали, не обращали внимания. Нет, мы пахали, обрабатывали землю, копали ямы для погребов, заготавливали сено впрок, а на остальное просто не обращали внимания, но однажды на огороде нашли каменную

голову какого-то чудища. Знающие люди объяснили — это голова дракона. Раззявистая пасть, клыки... Раньше ничего подобного мы не видели и не встречали. Но как-то приехали нипонцы и рылись в долине. Чего то искали. Мужики сказывали, что нипонцы искали золотые скульптуры...

— Расскажите подробнее!

— Нам это не интересно было. Мы крестьяне... А нипонцы ходили по ложбинкам, пригорками и железными прутьями тыкали в землю. Что шукали--не говорили. Сосед видел, как они нашли белого коня из камня и увезли в свою Нипонию... Пароход их стоял на рейде и дымил. Сосед много чего рассказывал о нипонцах. Рассказывал о найденных ими серебряных пластинах, доспехах воина, позолоченном шлеме... Нипонцы искали какие-то клады. Но где закопаны клады, не сказали. Наши мужики все лето тыкали железными прутьями свои огороды, выгоны, но ничего не нашли. Бабы изругались, гоняя мужиков с грядок! Кабаны потраву делают, фазаны покою не дают на огородах, так еще собственные кладоискатели шастают!

— Вы долго жили в Александровке?

— Долго? Не знаю, но всю свою жизнь сеял и пахал и мне никогда не удавалось накормить свою семью. Вскоре началась война с нипонцами. Два моих брата погибли в Порт-Артуре. Они служили на миноносце № 119. Извещение о гибели мы, все братья и сестры, помним наизусть. Документ подписал командир корабля капитан второго ранга А.А.Мусатов. Сказывали, командир и экипаж миноносца погибли в Порт-Артуре... Все старшие братья: кто отдал жизнь за царя-батюшку на войне, кто сгинул во время гражданской войны. Ничего не слыхивал о своём среднем брате. Он как ушёл на Камчатку, после этого ничего о нём более и не слышал, может его и нет в живых? Родня разъехалась из Александровки, кто во Владивосток, кто в Находку. Разъехались по белу свету. Один я прожил в Александровке всю свою жизнь...

— А здесь как оказались?

— В этом доме живу более двадцати лет. Друг пригласил погостить. Мне понравилось я и переехал сюда... У меня небольшая пасека, огород, хожу на охоту, так и живу потихоньку... А вы куда путь держите?

— Идем на лыжах из города Находки на Арсеньев. Встречаемся с людьми, рассказываем о себе, слушаем о их жизни. Нас интересует все о нашей тайге, нашем крае. Мы любим природу, лес, животных. Увлекаемся историей края.

— И как, много таинственного загадочного вы встретили в тайге? — старик длительно посмотрел на нас. В его взгляде столько глубины и внимания, словно он хотел проникнуть в тайны нашей души.

— Сказать, что узнали много, мы не можем. Мир полон загадок... Больше вопросов, чем ответов. В тайге встречали руины древних крепостей. Курганы насыпанные в неизвестные для нас времена. Много загадок в названиях рек, гор, озер, долин...

Старик выслушал нас, еще раз внимательно посмотрел на Ростика, на меня, а затем:

— Милые мои! Не знаю, как долго проживу. Мне далеко за восемьдесят. Расскажу вам о необычном случае, тайне, которая гложет меня всю жизнь. Может бы и промолчал о ней, но чувствую приближение своего ухода в другой мир и вижу, что эту тайну могу доверить вам. Одна просьба у меня к вам — ничего не предпринимайте по разгадке её. Придет время и вы все поймете.

— Дедушка! Вам еще жить, да жить!

— Сыночки вы мои, внуки... Понимаю, приходит мой час. Скоро. Очень скоро! Впрочем, что это я все о грустном и грустном! Вижу, что могу довериться вам, но не знаю, как это назвать? Загадка, тайна или просто необычный случай?

Сквозь небольшое оконце светит полная луна. В печи прогорели поленья. Похрапывает Валера. Буня перестал всхлипывать. Словно по команде спящие Марина и Инна переворачиваются на другой бок. Виктория, видимо замерзла, подтянула свои колени почти к подбородку и уперлась ими в бок Юрке-велосипедисту... На лице у Юры скорчена такая страдальческая мина, что можно подумать, что его ведут на Голгофу.

Ростик долил в пузатый медный чайник воды и поставил на печь, подбросил дров. Чайник вначале долго скрипел, затем зашипел и только после этого радостно забулькал, фыркая и плескаясь кипятком на покрасневшую, от жара, плиту.

Мы сидим, вокруг чуть светящейся семилинейной лампы, и слушаем рассказ старого человека, живущего в дебрях хребта Дадань-Шань.

Рассказ столь необычный и захватывающий, что привожу его со всеми подробностями, не искажая. Прошло несколько лет, как мы впервые услышали его, но и сегодня не могу без волнения вспоминать о нем. Меня пронизывает необычность рассказа. Странность явлений и событий, их взаимосвязь. Ничего подобного мы раньше не слышали и не догадывались. Впрочем представляю на ваш суд весь рассказ.

Учитывая сегодняшние времена, наполненные жаждой наживы, легкого обогащения, когда грабятся могилы, оскверняются захоронения, когда плохих людей, так называемых "крутых" больше, чем блох на паршивой собаке, все, что вы прочтете, изменено. Изменено место событий, время, герои. Сейчас преступное время в нашем государстве...

Рассказ Родиона Филимоновича, записанный нами в старом зимовье в отрогах хребта Дадань— Шань. Начат в два часа ночи 7 января.

— ...Как уже рассказывал у меня был старший брат Прокопий. Любил я его. Он намного старше меня, но для нашей братской любви это не было помехой. То, о чем расскажу, случилось аккурат перед войной с японцами.

В нашем доме каждый из братьев имел по ружью. Когда подрос, подарили ружье и мне. С ним не расставался: ходил на охоту, приносил дичь, выслеживал коз, иногда удавалось завалить кабана. Ружья нам необходимы и для охоты, и для обороны от хунхузов. Хунхузы грабили и убивали одиноких путников, нападали на отдельно стоящие избы.

В деревне Лагонешты хунхузы ночью напали на семью переселенца Оня из Эстонии и всех зарезали, в Голубовке исчезла девушка, в Унашах украли корову и козу, надругались над девушкой. Её нашли в кустах на берегу реки Ална. Выжила. Через девять месяцев она родила мальчика с раскосыми глазами, родители выгнали её из дома. Она слепила себе небольшую хату и жила на берегу Сучана, отверженная от общества.

Мы с братом любили ходить на охоту. Как выдавалось

свободное время уходили на неделю в тайгу — занятие охотой помогало выжить в нашей трудной крестьянской жизни.

То, о чем хочу рассказать, случилось поздней осенью. Мы решили поохотиться на кабанов. Значит так, идем мы по следу. Прошка впереди, я за ним.

Охотились мы в верховьях реки Алины. Следы по свежему снегу, оставленные стадом кабанов, видны хорошо. Читая по следам, как они остановились, порылись под дубняком и вновь пошли, не задерживаясь вверх по распадку.

— Куда это они поперлись? — размышляет Прошка.

— Словно их кто-то гонит! — поддакиваю я, семеня за двухметровым братом.

— Думаю, однако, Родька они направились в верховья реки Вангоу.

— Чего им там делать?

— А в том распадке дубняки шикарные.

— Ты почему знаешь?

— Когда мне исполнилось столько лет, как сейчас тебе: бегал туда с отцом. Помню, с батей завалили в тех дубняках трех кабанов. Это случилось в год твоего рождения. Аккурат под рождество... Ох и намучились мы, вытаскивая кабаньи туши из тайги.

— Много заготовили мяса?..

— Три кабана...

Между тем начало смеркаться, зимой темнеет рано и быстро. Видим, что до темноты стадо не догоним.

— Надо становиться на ночлег! Прошка, скоро стемнеет.

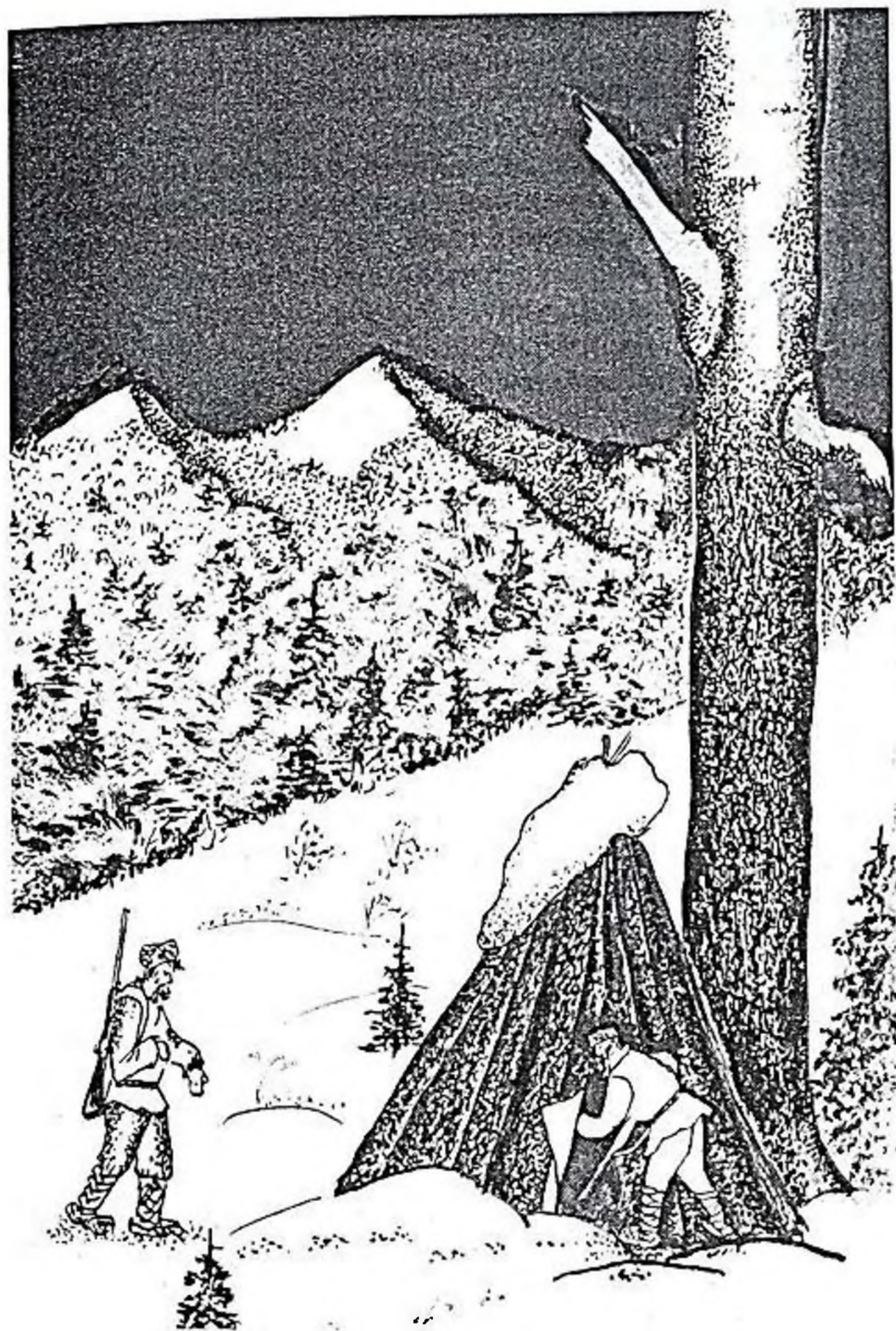
— Потерпи немного...

Мы споро, насколько позволял крутой распадок, поднимались на седловину перевала, не упуская из виду следы кабанов. Поднялись на, заросший высокой травой, низкий перевал.

Стадо на перевале не задержалось, а устремилось вниз в узкую долину реки Вангоу. Мы, не останавливаясь, бежали по следу.

— Родька, скоро будет поляна, на ней проживал старый охотник.

— Что нам мешает добежать до его жилья?

— Какое жильё? У него в те далекие времена стоял шалаш, сложенный из корья, да очаг посредине...

Между тем пошел густой пушистый снег. Все сразу стало неузнаваемым. Стемнело, но снег все-таки создавал какой-то свет. Мы спускались по распадку, обходя поваленные деревья, наклонялись, задевали хвойные лапы елей, отягощенные снегом. Спины стали намочать от постоянно идущего снега. Вечерело. В сумерках вышли на какую-то поляну. В темноте трудно было определить её размеры.

— Кажись, где-то тут...

— Да здесь никакого жилья и нет!

— Родька! Не спеши с выводами. Глянь на тополь на поляне — под ним стоял его шалаш.

Мы пересекли заросшую кустарником поляну. Крупные хлопья снега медленно кружась укрывали кустарник, оседали на лапы ельника, окутывали землю. Кусты укрыты сказочным пушистым одеянием. Но нам не до сказок. Необходимо устраивать зимний ночлег в тайге. У костра...

— Глянь! Кажись шалаш...

— Родька, всегда верь старшим!

Мы подошли к шалашу. Конусная крыша шалаша покрыта толстым слоем снега, вокруг не видно никаких следов жизни. Обойдя вокруг шалаша, обнаружили вход, завешанный старой шкурой. Отодвинув шкуру, вошли внутрь. Темно. Холодно. Вест нежилым помещением. Очаг через отверстие покрыт снегом.

— Здесь давно никто не живет!

Но до нашего слуха донесся еле слышный стон.

— Родька! Высекай огонь! Живо!

Я вытащил кресало, трут, высек искру и быстро раздул огонь, поджёг сухую бересту. Она постоянно в моем внутреннем кармане. Коптящая береста осветила внутренность небольшого шалаша. Осматриваемся. На невысоких полатах, под шкурами, лежит старый, престарелый мужчина. Старик.

Топорщится побелевшая борода, высохшее лицо, заострившийся нос. Старик что-то говорит в бреду, но мы его не можем понять.

— Разжигай очаг! Воды...

Возле очага обнаружили помятый закопченный чайник, быстро сбегал к шумящему возле шалаша ручью. К этому времени Прошка разжег огонь. Внутри шалаша потеплело. Мы более внимательно рассмотрели лежащего в бреду старика.

— Горячка... Давно лежит. Хочет пить. Подогрей воду.

Я повесил чайник на крючок над очагом, в чайник бросил несколько кистей ягод сушеного лимонника. Вскоре чайник закипел. Ягоды лимонника разварились. Налил чая в кружку, остудил его, после этого подал выпить старику, приподняв его голову.

Вначале старик ничего не понимал, после первого глотка живительной влаги его взгляд стал осмысленным и ясным, но он ещё не говорил, настолько был слабым и немощным. Мы разделись, повесили свои куртки, шапки, рукавицы над очагом на крючья, закрепленные на остове шалаша. Повесили котелок, отварили мясо молодого кабанчика: Прошка предусмотрительно взял с собой кусочек из дома, заварили чай.

— Отец, попробуй немного бульона... Мясо пока нельзя.

С малолетства знаем, что кормить человека после долгого голода нельзя — человек может погибнуть.

Напоили старика мясным бульоном, дав немного пахучего домашнего хлеба — мать всегда нас снабжала свежим хлебом в дорогу. Когда бы мы не были на охоте, всегда вспоминаем мать за хлеб, её добрые руки. Всю ночь поочередно дежурили возле старика. Он то приходил в сознание, то вновь впадал в беспамятство. Думали, что до утра не выживет...

Но под утро старик уснул, тихо и ровно задышал, уснули и мы. Проснулись с братом одновременно — в шалаше к утру стало прохладно. Брат подложил дров в очаг. Поленья вскоре загорелись, в шалаше потеплело.

— Спишь, Родька?

— Нет... Думаю. Старик один в тайге... Не будь нас, сегодня бы преставился... Не хотел бы в одиночестве встречать старость.

— Да... Верно заметил. Старикам должны помогать их дети.

— Не имел он детей. Старик жил один в тайге. Отец сказывал, что был у него брат, но он уплыл с вольным шкипером Геком на Камчатку. И с тех пор старик жил бобылем в тайге. Помню его.

Мы с отцом разговаривали с ним, но он отвечал нехотя, нелюдим. Бирюк, одним словом.

Утро наступало медленно. Мы поддерживали огонь в очаге. Когда в отверстие над очагом увидели, что стало светать, оделись и вышли на улицу. Снег шел всю ночь и за ночь разукрасил деревья в пушистый наряд. Он укрыл каждую веточку, былинку, лежал толстым слоем на лапах пихт, пригнул ветки кедра, примостился на ветках тополя, сровнял все неровности поляны. Речка, тихо переговариваясь, темнела среди снежного царства

— Сейчас, вмиг промокнем, обождем когда ветерок обдует снег с деревьев.

— Ты прав, обождем немного. Что будем делать с стариком?

— Приготовим бульон и накормим.

Мы подложили дров в костер.

Вскоре забулькал, заворчал котелок с мясом, проснулся старик. Ничего не понимая, долго недвижным взглядом смотрел то на нас, то на висящий над очагом котелок.

— Багдыфы! Я уже в верхнем мире? Вы кто будете? Духи?..

— Доброе утро, отец! Нет, мы не духи верхнего мира! Мы охотники из деревни Александровское. Слышал? Есть такая за перевалом. Охотимся, идем по следу кабанов...

— Как не слышал! Много раз бывал в вашей деревне...

Старик от холода, голода, болезни ослаб, с трудом говорил с нами. Скопив глаза на котелок, на огонь, молча рассматривал нас.

— Вы, худой люди? — в его голосе послышалась тревога: — А где мой винчестер?

— Стоит твой винчестер! Рядом, у твоего изголовья.

Старик высунул иссохшую старческую руку с большими узловатыми пальцами и любовно коснулся винтовки. Прокопий ножом проверил — сварилось ли мясо.

— Готово! Родька, подай нож! Отец, кормить сейчас будем! Давно не ел? Откушай бульона с хлебом.

Я кормил старика. Он испуганно посматривал на нас, а его силы с каждой ложкой мясного бульона прибавлялись и вскоре он, без посторонней помощи, хлебал бульон из глиняной миски. Дали ему и небольшой кусок мяса.

Он вытащил откуда-то нож и ловко отрезая мясо возле губ,

мелкими кусочками, с удовольствием тщательно жевал, медленно глотал. Чувствовалось, что пережевывать мясо давалось ему с трудом. С удовольствием выпил две кружки чая, заваренного ягодами сушеного лимонника и шиповника. В глазах появился блеск, щеки заметно порозовели. Старик с благодарностью смотрел на нас, не веря в свое спасение.

На улице между тем поднялся ветер, он налетел откуда-то из-за сопки хребта Тачин-Гуан. Сильные порывы ветра сотрясали небольшой шалаш, через отверстие над очагом ветер врывается, будоражит пламя в костре, не давал дыму выйти наружу.

— Однако худой ветер! Долго будет! Очень сердится... — прислушивался старик к шуму ветра за стенами шалаша — Кабан сейчас прячется в дубняке, на южном склоне соседнего распадка. Вы гоняетесь за стадом старого секача с обломанным клыком. Я его знаю...

— Откуда вы знаете о кабане-секаче?

— ё... Однако, долго здесь живу! Знаю всех зверей... И они меня знают. Всегда жил с ними в мире и уважал их.

Рядом с шалашом скрипел огромный тополь, глухо шумел под напором ветра густой кедрач. Через небольшие щели у входа снежная пыль оседала на ближайших предметах.

— Родька, выйди на улицу и взгляни, что там делается.

Я вышел на улицу и сразу же попал в беспуюющийся вихрь поднятого в воздух снега. Сильно пуржило. Видимость три-пять метров.

Бледным пятном в белой мгле угадывалось хмурое утреннее солнце. Низовой ветер поднял свежавыпавший снег в воздух, словно резвился и играл с ним: то поднимал его вверх, и крутил снежными массами над тайгой, то, одумавшись, бросался вниз и, стремительно разогнавшись, гнал снежные заряды между деревьями. Деревья гнулись, стонали, обламывались сухие ветки, обрывались непрочные лапы пихтарника, срывались, звенящие от холода, бронзовые листья дуба.

Увидев человека, вышедшего из занесенного снегом шалаша, ветер поначалу опешил от неожиданности и притих, но затем словно озверел! Подвывая, от восторга поиздеваться надо мной, поначалу наотмашь, нахально, с силой залепил мое лицо снегом,

затем беснующимся вихрем резко приподнял, задрал полы моей куртки и быстро забил снегом теплую поясницу!

С лютым ожесточением и ненавистью вырвал из моих рук рукавицу, которую я не успел одеть. И в конце концов, сильным шквалом завалил меня в сутроб!

С злорадством, и только с присущим зимнему ветру бесчеловечностью, бросился насквозь продувать всю мою одежду — выгоняя остатки тепла! Такого коварства я от него не ожидал!

Собрался с силами, встал, наклонился навстречу ветру, запахнул полы куртки, крепче затянул бечёвку на поясе, присмотревшись, увидел, заносимую снегом, свою одинокую рукавицу, поднял, выбил из неё снег и перекрестившись, погрозил ветру кулаком. А что я еще мог ему сделать? Вернулся в шалаш. В такую погоду ни о какой охоте не может быть и речи!

— Непогодь! Видимость несколько метров, сильная метель... — отряхивая снег с себя пояснил Прокопию.

— Обождем до обеда.

В ожидании погоды, мы просидели возле старика до обеда, ухаживая за ним. Он молчал от слабости, есть много ему не давали. К вечеру ветер устал и начал стихать, но за шалашом продолжался старческий скрип огромного тополя, на заснеженных склонах возмущенно шумели потревоженные кедры.

Наступил вечер. Стемнело. Ветер стих. Я вышел на улицу. Все сопки, окрестные склоны, поляну обняла своими бледными лучами тоскливая луна. В гипнотическом сне тайга отдалась воле мертвого холодного света.

Лунную наступившую ночь не нарушал ни один звук. Поодаль продолжала мирно переговариваться незамерзающая речка Вангоу. Чуть повыше ворчал, пенившийся от возмущения, пережат. Резко потеплело. Запахло морем. На темном небосводе при свете луны прорисовывались белоснежные вершины урочища Черный Куст. За ними, у их подножия, в долине реки Сучан, располагалась засыпанная снегом, небольшая русская деревушка — Александровское.

— Ну как там, Родька?

— Прекрасная фартовая погодка. Завтра побежим за кабанями?

— А старик?

— Не знаю...

— Утро вечера мудренее. К завтраму старику станет легче, и мы побегаем по склонам соседнего распадка, и если нам подфартит, добудем кабанчика, доставим его сюда, а там будет видно.

Всю ночь старик спал, но под самое утро, когда в деревне обычно начинают петь петухи, он проснулся и попытался что-то сказать. Из обрывков его несвязной речи мы поняли, что его гложет какая-то тайна.

Еще не светало, когда услышали:

— Добрые люди, послушайте меня!

Старик обращался к нам. В шалаше темно. Мы подбросили дров в очаг. Вспыхнуло пламя и осветило лицо старика. Он смотрел на нас и пытался что-то сказать. Я и Прокопий подошли к старику. С усилием он взял мою руку и, взглянув ясными глазами, спросил:

— Готовы ли вы выполнить последнюю просьбу уходящего в верхний мир человека?

— Дедушка, вы еще долго будете жить!

— Нет, меня заждались в царстве Буни. Птица Кори сегодня прилетит за моей душой.

— Родька, не перебивай старика. Ему трудно говорить!

Седая бородка старика топорщилась на заострившемся красивом бледном лице, сухая горячая рука касалась меня, он пронзительно смотрел на меня. Вижу, что он хочет сообщить что-то очень важное.

— Я остался один... Народ погиб... Небесный огонь... Ухожу... Обещай помочь народу!

— Дедушка! Какой народ? О чем вы?

— Я последний, кто остался хранителем тайны небесного народа...

Я смотрю на старика и вижу, что он совершенно не похож на туземцев, которые живут в долине. Очень высокий. Красивое умное лицо, прямой нос с небольшой горбинкой, седые длинные волосы, выцветшие внимательные глаза.

— Кто вы?

— Радомысл. Прожил долгую жизнь. Сейчас ухожу в мир теней. Рядом никого нет, кому могу доверить тайну... небесную тайну. Клянитесь, что не воспользуетесь ею в корыстных целях и не доверите случайным людям...

— Клянемся!

— Помните о клятве! Не рассказывайте о тайне, нарушивший клятву погибнет... Вы клянетесь своей жизнью... Помните об этом... — старик едва шевелил губами.

Наступало тоскливое утро. Через просвет над очагом в крыше шалаша сиротливо серело небо.

— Родька, глянь! Пошел дождь!

— С моря теплый воздух навалился на материк. У нас, в Приморье, это привычное дело.

Старик правой рукой что-то шарил у себя под шкурами на которых лежал и, нащупав, вытащил небольшой предмет, завернутый в ветхую тряпицу.

— Как тебя звать?

— Родион.

— Родион... — повторил он: — Ты молодой. Знаю, проживешь большую насыщенную жизнь. Не пытайся раскрыть тайну, которую доверяю тебе. Пройдет много времени, станешь старым. К тебе придут... Расскажешь им о тайне. Передай это. Вторая половина... Знает Настас, мой брат, на Камчатке... Река Миргоу...

Я взял из рук старика завернутый в тряпицу предмет.

— Разверни... ёто ключ... Вторая часть... Настас... Камчатка... Помни.

Старик тяжело дышал, каждое слово ему давалось с трудом. Мы с братом молчали, не задавали вопросов. А их у нас возникло очень много.

Дождь на улице усилился. Он заливал очаг, капли шипели на горячих углях. Из многочисленных отверстий тонкими струйками бежала вода, мы держали над стариком шкуру, чтобы вода не капала на его лицо.

Прокопий внимательно смотрел на меня, я развернул тряпицу. Вскоре у меня на ладони оказался продолговатый овальный прозрачный кристалл. Мы смотрели на него и не могли понять, что же это?

— ёто небесный кристалл. Он ключ к тайне, поможет возрождению людей, поможет... Возьми его.

— А какая... Какая тайна? — мы ничего не могли понять.

— Храните. Никто не должен знать о его существовании... Вторая половина... Миргоу...

Мы переглядываемся с братом, не решаясь задать вопросы. Старик очень слаб. Его рука безжизненно свисала, сухие узловатые пальцы касаются лежащей на полу медвежьей шкуры, нос заострился, щеки ввалились, губы покрылись бледным налетом. Он тяжело и прерывисто дышал.

— Какая тайна? Что нам делать?

— Слушайте... В верховьях реки... Первого царя... Вершина. Каменные стражи, семь... — старик еле шепчет, мы не дыша вслушиваемся в слова старика: — Пещера, покажет солнце... там ответ... Настас... Прощайте... Помните...

Мы сидим над затихшим стариком, рука его бессильно откинулась, глаза закрылись, лицо приняло спокойное выражение, легкая улыбка коснулась его губ.

— Господи! Прими душу раба твоего! — крестится Прокопий.

Я сложил по православному обычаю руки на груди старика. Смотрю на его умиротворенное лицо. А дождь па улице не унимается.

И внезапно, слепя нас, внутри шалаша все освещается яркой вспышкой молнии, тотчас раздаётся оглушающий грохот грома. От неожиданности мы с Прокопием выскакиваем из шалаша. Над нами полыхает разбитая вершина огромного тополя. Он горит над шалашом огромной яркой свечой!

— Божий человек преставился... — тихо проговорил Прокопий.

— В нашей тайге я часто видел, как горят деревья от удара молнии...

— Похороним его под молодыми кедрами.

Мы выбрали место среди кедровника, на пригорке, и начали копать могилу своими топорами. Земля поначалу поддавалась с трудом, осенние морозы сковали верхний слой, но затем незамерзающий нижний слой облегчил нам скорбный труд. К концу дня закончили последнее пристанище Радомысла.

— А он христианин?

— Наш. На шее у него православный крестик.

Мы завернули высохшее тело старика и осторожно опустили в глубокую могилу. Вокруг могилы склонились кедровые деревья, они словно плакали, с хвойных веток срывались капли-слёзы, на ветке дерева нахохлившись сидела огромная ворона, скорбно опустив свой огромный клюв, она провожала старика в последний путь.

В могилу положили его нож, нехитрые пожитки. Долго раздумывали об оружии — ложить или не ложить винчестер, но решили этого не делать. Я держал в руках старый винчестер и на ложе заметил затертую надпись "Радомыслу от Пржевальского. За службу. 28 ноября 1867 год". Винчестер оставили у себя...

— Это от офицера, о котором нам рассказывал отец.

— Я помню, водил его на поля, на охоту, на фазанов. Он поднимался на вершину скалы, рассматривал долину реки.

Вечером остались ночевать в шалаше Радомысла. Мы более внимательно рассматривали кристалл. Ничего примечательного в нем не нашли. Если бы он лежал на земле никто бы из нас его и не поднял. Баловство какое-то! Но старик просил дать клятву, а клятва для нас святое дело. Мы умели держать слово.

— А кто этот Пржевальский?

— Почем знаю!

— А река... Первый царь... О чем это он говорил?

— Мне самому интересно знать.

Вершина тополя сгорела и сейчас над ним в вечернее небо поднимался сизый столб дыма. Могила Радомысла находилась в окружении нескольких красавцев кедров. Почему-то на душе грустно и тоскливо. Весь вечер мы молчали. Не находили слов для разговора, каждый из нас думал об ушедшем в другой мир человеке.

На следующий день, собрав нехитрые пожитки, пошли в соседний распадок. На след кабанов вышли сразу. Выследить и завалить кабанов нам не составило большого труда. Прошка, взяв винчестер Радомысла, ушел в деревню за братьями, а я остался разделывать туши.

Прокопий с Алексеем, наш брат, вернулся на следующий день вместе с нашим послушным кауром. Мы погрузили разделанные

туши кабанов и, оставив навьюченную лошадь на тропинке, подошли к могиле Радомысла. На свежей земле надгробного холмика выступила легкая изморозь. Стрекотали сороки. Вчерашняя ворона прилетела и уселась на ветку тополя, рассматривая нас. Шумела река Вангоу. Над долиной проплывали облака: души ушедших людей. Щипало глаза. Мы постояли молча над могилой раба Божьего и перекрестившись, пошли к лошади:

– Жалко старика!

– Божий человек. Как не жаль!

– Сколько ему лет?

– Кто его знает! Когда я мальчонкой с отцом охотился здесь, он выглядел точно также, как и до его кончины.

Мы подперли полог шалаша валежиной, перекрестили могилу Радомысла и медленно пошли вверх по реке Вангоу, к Соломенному перевалу.

Соломенный перевал. Самое низкое место хребта Тачин-Гуан в этом месте. Свое название перевал получил от наших мужиков. Внизу, под перевалом, наш сосед в деревне, бывший каторжанин из Николаевска, сеял на небольшом поле рожь. Из года в год он садил её на клочке земли в верховьях Вангоу. Однажды по осени вздумалось ему вывезти копну соломы, но на самом верху телега перевернулась и ветер быстро разнес её по всему перевалу. Эту историю знали все охотники. Соломы давно нет, забылась эта историю, а имя за перевалом осталось.

Вскоре, перевалив перевал, мы вышли на хорошо протоптанную тропинку. К вечеру, уставшие прибыли в Александровское. Небольшое село в низовьях реки Сучан. Покосившиеся заборы, убогие, бедные домишки, тускло светятся подслеповатые окна.

Где-то слышится звук топора — кто-то рубит дрова. Побреживают немногочисленные собаки. Над соломенными крышами поднимается жидкий дым — хозяйка на ночь протапливают свои избы, готовят нехитрый ужин.

Сложив в лабаз мясо кабанов, зашли в хату. Мать уже ждала нас: напекла с капустой пирогов, предложила наваристый борщ, поставила чарки.

Ничего о тайне Радомысла селянам мы не рассказали.

Все бы было хорошо. Но, однажды, в нашу деревню, а это случилось аккуратно перед самой войной с немцами, Прошка возьми да расскажи приезжему чиновнику о Радомысле, о тайне. Тот заинтересовался рассказом и повез Прокопия с собой в волость, в Находку. Но по дороге, при переправе через Сучан, их лодка перевернулась и оба утопили... Прав Радомысл, когда предупреждал нас о клятве. Брата и чиновника искали две недели, но так и не обнаружили...

Родион Филимонович замолк. На часах три часа ночи. Все спали и смотрели десятый сон. Заснул и Ростик. Мне спать не хотелось. Я настолько поражен рассказом Родиона, что о сне и не помышлял. У меня вертелось на языке множество вопросов, на которые хотелось бы получить ответ, но понимал — нельзя... Но один вопрос я все-таки задал:

— А вы не пытались разгадать тайну, о чем говорил Радомысл?

— Пытался. Но как разгадать, когда не знаю ни реки, где эта вершина, ни названия горы. Много чего не знаю!.. Да и Радомысл предупреждал — никому не рассказывать. Наказывал — придет время и поймешь, кому передать кристалл.

— Сынок! — вдруг обратился ко мне Родион Филимонович.

Я повернулся и внимательно взглянул на него.

— Никто не слышал от меня ни слова о тайне. Но ночью видел вещий сон. Ко мне приходил Радомысл и сказал, чтобы сегодня рассказал о кристалле. Он несколько раз повторил — расскажи о тайне... Расскажи! Наступил вечер. Никого нет. Я не знал, как мне поступить.

— Но почему вы рассказываете о тайне мне? Я же ничего не знаю! Не знаю реки с именем царя. Какого государства? Что за стражи, где эта вершина?

— Понимаю твои вопросы. Но настанет время и ты прозреешь... К тебе придут знания. — закончил старик.

Он встал, поправил постель и лег спать. Вскоре послышалось его ровное дыхание. Мне ничего не оставалось делать, как последовать его примеру.

Посмотрел на светящийся циферблат часов "Кама", стрелки показывали половину четвертого утра. Через три часа подъем дежурных. Спать, от обилия информации, не хотелось. Набросив

штормовку, вышел на улицу. Завораживающая тишина. Скрип снега под моей тяжестью — мороз за тридцать. Старый удэгеец научил меня, с точностью до двух градусов, определять температуру — будь то зимой или летом.

Над головой распростерлось созвездие Ориона. Нашел в левом углу созвездия звезду Бетельгейзе. Ученые утверждают — это самая большая звезда Галактики. Смотрел на мигающие, мерцающие огромные зимние звезды и пытался своим сознанием пронзить пространство и время, и оказаться на своей планете — праматери человечества... Над контурами пологих сопок на горизонте высек искру стремительно падающий метеор. Загадал. Разгадаю тайну или нет? Успел загадать. Разгадаю... Не знал и не предполагал каким будет длительным и тернистым путь к разгадке тайны.

...

Мы лежали в спальниках. Где-то далеко в тайге со стоном охнуло рухнувшее старое дерево. Кроны деревьев над нашими палатками перешептывались с легким ветерком, уговаривали не тревожить наш покой.

Ветер не стал слушать уговоры и к утру уже играючи раскачивал стройные кедры, срывал листья с вечно мёрзнувших осин, хозяйничал в березовой роще. На водоразделе между реками Уссури и Сучаном постоянно по утрам сильные ветра. Это мы знали из собственного опыта, по многочисленным наблюдениям в походах по уссурийской тайге.

— Помнишь зимнюю ночевку в походе на Облачную на этом перевале?

— Как не помнить! Счастливый и радостный поход!

— Мне запомнилось восхождение на Лаонцелазу, встреча с каменными бастионами на гребне вершины.

— А помнишь зимовье с покойником-зэком?

— Прекрати, мы же легли спать! Неужели так необходимо вспоминать о мертвецѐ?

Мы замолчали, каждый думал о своем.

Наступление утра почувствовали по попискиванию больших синиц, шустро отыскивающих личинок, жуков, насекомых в коре деревьев.

Солнце умытое и свежее с укоризной рассматривало нас, словно приговаривая:

— Давно наблюдаю за вами! А вы все спите и спите!

— Здравствуй солнышко! Прости нас, неразумных и ленивых!

— Сегодня прощаю! Вы знаете, сколько на планете таких, как вы? И все любят поспать, и каждого надо разбудить, и обогреть, подарить ласку!

Солнышко улыбнулось нам, поднимаясь над утренней тайгой. В глубоких распадках в верховьях Сучана лениво разлётся капризный туман. Он и не думал просыпаться и уходить восвояси. Туман цеплялся за деревья, кустарники, распластался над возмущенными речками, ручейками, нехотя собирал свои пожитки, чтобы под напором солнца исчезнуть до следующего утра.

Напротив, в бассейне реки Уссури, туман бесследно исчез.

— Почему...

— Ты о тумане?

— Да. Почему в Сучанской долине туман, а в долине реки Уссури его нет?

— Думаю ответ в разнице температур. Близость моря в долине Сучана определяет наличие тумана...

Быстро собираем бивуак. Вскоре, согнувшись под тяжестью рюкзаков, пробираемся по заросшему склону Цхамо-Дынзы к вершине.

— Скоро войдем в зону стланика!

— Мог бы и не напоминать.

Подниматься вверх по зарослям стланика пре неприятнейшее занятие! Ветки кедрача преграждают путь, цепляются за рюкзак, пытаются опрокинуть человека, иногда сплетение веток столь густое, что приходится лазать по веткам, ноги скользят и ты, словно в сетке "авоське" висишь в воздухе!

Наконец-то непроходимые заросли позади. Мы выползаем, облепленные мошкаррой, на каменные осыпи. Ветерок разгоняет гнус, мошку. Стало легче дышать.

Каменные осыпи, гладкие и привлекательные издали, оказываются нагромождением огромных замшелых валунов. При каждом шаге валуны глухо перестукиваются и возмущенно

качаются. "Живая" критическая осыпь! Что может быть хуже для восхождения!

— Критическая осыпь... Вдобавок "живая" Ох, как я не люблю по ним ходить...

Не успел Володя сказать, как вся ближайшая масса камней осыпи начала медленно ползти вниз...

— Убегаем!

Времени для размышления не оставалось.

Как выскочили на неподвижный островок осыпи, поросший кустарником-- не помним, трудно это пересказать, это надо прочувствовать на собственной шкуре!

Мы стояли, наклонившись под тяжестью рюкзаков, поблудневшие от перенесенного испытания. А осыпь глухо перестукиваясь, переговариваясь медленно сползала вниз, камни ворчали от возмущения, что потревожили их покой. Осыпь притихла, затаилась в ожидании очередной жертвы.

— Говорил, что не люблю... опасаясь "живых" осыпей... и на тебе!

— В следующий раз говори добрые слова о них, — усмехнулся Ростик.

— Посмотри какие они мирные, — добавил я.

— Все прекрасно, но какую применим тактику подъема на вершину?

— Обойдем и выберем, где больше островков растительности на склоне, в целях безопасности постараемся их использовать.

Так и сделали. Камни глухо перестукивались под нашими ногами, но терпели на своих покатых замшелых, покрытых мхом и лишайником, спинах наш вес.

— Потерпите немного! — уговаривал ворчащие камни Володя.

Прежде чем наступить на следующий, он любовно его гладил, проверял его устойчивость, и, убедившись в безопасности, после этого проходил опасный участок. Вскоре вышли на мелкую предвершинную осыпь, где уже было не опасно.

Вершина Цхамо-Дынзы. На север, насколько хватало глаз, убегают сопки окружающие реку Уссури. Ручейки, речки, горные ключи несут свои воды, чтобы слиться в одном потоке главной реки нашего края.

Время перевалило на вторую половину дня. По единодушному мнению решаем заночевать на вершине Цхамо-Дынзы. Палатку ставим чуть подальше от стального тригонома – опасаемся грозовых разрядов. Отпустили боковые оттяжки и поставили палатку как можно ниже – ночной ветер при большой парусности может разорвать парусину, на крышу набросили страховочную веревку для укрепления сопротивления ветру... Воду для чая, пищи нашли в ста метрах от вершины, среди камней осыпи. Наносили сухого стланика, его здесь в изобилии. После захода солнца заметно похолодало. Ничего удивительного: на больших высотах в горах Сихотэ-Алиня низкие температуры – привычное явление.

– Прохладно. Может для сугреву чай с лимонником и?..

– Почему бы и нет! Сегодня день не из легких.

Пили душистый согревающий нас чай и с высоты Цхамо-Дынзы любовались окружающей панорамой гор. Мы узнавали все значительные вершины. Обсуждали пути подъема, каждый из нас бывал на вершинах по несколько раз. На противоположной стороне Ян-муть-хоузы, так называлось прежде верховье Уссури, возвышается громада горы Облачной. Эта высшая точка Приморского края. Высота её 1856 метров.

– Сколько раз был на Облачной?

– Не считал, более десяти раз...

– А что за дальние горы... на юге?

– Это гора Пидан, хорошо просматривается Фалаза.

– А в верховьях Сучана громада сопки...

– Что не узнаешь Китайскую?

– Мне нравятся озера на ее вершине. А знаете ли вы, что есть горное озеро и в районе горы Синей. Но где оно, никто сказать не может!

– Слышал от местных охотников. Искал, но не нашел. Вообще южная часть хребта Тачин-Гуан кишит клещами!

– Серьезно?

– Однажды, весной шли от Соломенного перевала до Синей. Клещей столько, что трудно даже об этом рассказать. После того похода у меня нет желания ходить в этот район летом.

Ночь на удивление прошла спокойно. Среди ночи первый

шквалистый порыв ветра пытался наброситься на нашу палатку, громыхнул полиэтиленом по палатке, ласково пожурил тент и затих. Второй порыв ветра лениво налетел на наше жилище, нехотя подлез под тент, запутавшись, чуть колыхнул парусину и убежал по своим делам.

Раннее утро наша тройка встретила на вершине Цхамодынзы. Умывшись, ожидали восхода солнца:

— Ребята взгляните на седловину, на Молодежные столбы.

Мы внимательно посмотрели на седловину, но ничего кроме густого тумана, закрывавшего тайгу, не увидели.

— Но там облачность, и она не хочет расползаться...

— А вы не спешите, сейчас он исчезнет!

Солнце приподнялось над горизонтом и его яркие лучи начали разгонять лежбище тумана на седловине.

— Смотрите! — ошеломленно вскричал Ростик.

Возбужденный Ростик показывал на покрытую туманом седловину "Молодежных столбов".

Мы увидели удивительное зрелище. Среди молочного тумана возвышаются исполины каменных останцев. Тень от них падает на лежащий под ними туман и три параллельные тени упираются в склон горы. На средней линии возвышались три останца, на двух остальных — по две... Что это?

— Тени от столбов куда-то показывают! Зарисуй!

ёто продолжалось буквально несколько секунд. Солнце поднялось выше и все исчезло, низкая облачность вновь скрыла останцы.

Глядя на всё это мелькнула мысль, а не показало ли нам солнышко начало разгадки секрета горы Цхамодынза, и кто-то в ухо шепчет мне: "Запомните это... Но вам еще раз необходимо видеть тени зимой.."

Мы, онемев, смотрели на белизну утренних испарений, закрывшую скалы, на плывущую над облаками гору Облачную, на яркое солнце, согревающее нас.

— Не здесь ли загадка, о которой говорил Филимонович?

— Возможно. Нам необходимо зарисовать расположение столбов, нанести расстояние между ними, замерить углы...

— Зачем все это?

– Чтобы понять, когда вновь образуются тени от скал и узнать, где они скрещиваются.

– Ты о чем?

– Я о том, что летние линии и зимние тени от скал должны дать точку пересечения и там необходимо искать ответ на загадку.

– Но тебе же Родион ничего не оставил, ничего не рассказал. Почему ты думаешь, что все что он рассказал связано с Цхамо-Дынзой?

– Пока не знаю, но...

Я не стал продолжать разговор понимая, что ответа все равно не получу, как бы мы рьяно не спорили, отстаивая свои точки зрения.

Вскоре солнце рассеяло туман над седловиной. Останцы затерялись среди зелени леса, слились с хвойной тайгой условные точки на склоне сопки, куда упирались тени. Эффект странной геометрической фигуры исчез. Мы чувствовали, что находимся у истоков секрета Цхамо-Дынзы. Но как найти ключ к разгадке секрета далекой вершины в верховьях реки Сучан?